

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327

Постконструктивизм, или Теория лингвополитического реализма в международных отношениях

И. В. Чернов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Чернов И. В. Постконструктивизм, или Теория лингвополитического реализма в международных отношениях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 86–104. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.107>

В данной статье впервые систематически излагаются основные принципы теории лингвополитического реализма в международных отношениях, и предлагается методология лингвополитического исследования, согласно которой любое общество рассматривается как коммуникативно-языковое сообщество. Следовательно, основными акторами международных отношений всегда были и остаются отдельные коммуникативно-языковые сообщества, возникающие и функционирующие на базе общего языка и языковой парадигмы (базовой идеологии). Процессы глобализации и регионализации в современном мире неизбежно имеют лингвистическое измерение.

Ключевые слова: политический реализм, конструктивизм, лингвополитический реализм, коммуникативно-языковое сообщество, международные отношения.

Нам теперь известно, что силы, изучаемые физикой, химией и биологией, важны и значительны. Но обычно люди не догадываются, что силы, изучаемые лингвистикой, так же важны и значительны, что ее принципы лежат в основе всякого согласия и взаимопонимания между людьми, и что рано или поздно она займет место судьи, тогда как другие науки будут представлять на ее суд результаты своих исследований, чтобы выяснить, каково их значение.

Бенджамин Ли Уорф

Целью данной работы является выявление роли языка как фактора международных отношений и как фактора в изучении международных отношений.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Но объектом данного политологического исследования является не сам язык (в отличие от лингвистики, социолингвистики или даже политической лингвистики), а реально существующие коммуникативно-языковые сообщества, т. е. множество индивидов, устанавливающих и поддерживающих связи друг с другом с помощью определенного языка.

В современном исследовании международных отношений все громче заявляет о себе конструктивизм, уделяющий пристальное внимание языковым вопросам. Представители политического неореализма часто с непониманием смотрят на «постмодернистское» изменение методологии и терминологии («конструирование реальности», «идентичность», «дискурс» и т. д.). Но, несмотря на все достижения политического реализма, он не может игнорировать расширение традиционного исследовательского поля. Язык как инструмент общения является важнейшей частью социальной реальности. Уже никто не спорит с тем, что изменения орудий труда и технологий неизбежно имеют социально-экономические последствия. Поэтому очевидно, что и столь важный «инструмент», как язык, не может исключаться из изучения социально-политической реальности.

Задачей данного исследования является обоснование теоретических и методологических подходов лингвополитического реализма в изучении международных отношений. Речь идет о формировании новой теории в рамках современного политического реализма, изучающей связь и взаимовлияние двух базовых переменных — языка и общества. Разумеется, в рамках данной статьи не ставится задача систематического изложения всех предшествующих теорий международных отношений и обзора всех последних посвященных им публикаций.

Работа носит политологический характер, но активно использует достижения современной лингвистики. Мы изучаем один мир, только с разных сторон. Предмет изучения (языковые и речевые сообщества) заимствован из конструктивизма, но этого нельзя сказать о методологии изучения, предлагаемой конструктивизмом. Таким образом, данная статья — это первый опыт обоснования теории постконструктивизма (или же теории лингвополитического реализма) в исследовании международных отношений.

1. Субъект и объект в исследовании международных отношений

Политический идеализм, вслед за философским идеализмом, утверждает первенство духа над материей. Но тезис о том, что мир становится таким, каким мы его себе представляем, несмотря на всю свою привлекательность, имеет некоторые объективные ограничения. Так, например, в 1525 г. перед битвой у Франкенхаузена фанатичный религиозный проповедник Томас Мюнцер уверял своих последователей, что будет отгонять вражеские пули рукавами своей мантии. Но, несмотря на то, что и вождь, и его приверженцы свято верили в магическую силу слова, лучше вооруженное и организованное княжеское войско без труда разбило фанатичных крестьян. Поймали и самого Мюнцера, раненного пулей в голову. Вероятно, причину того, что мюнцеровы рукава не сработали, следует искать не только в том, что к XVI в. теоретическая база конструктивизма была недостаточно разработана, но и в некоторых закономерностях физического мира.

Как утверждают физики, «нет ничего практичнее хорошей теории». Поэтому наука — это не кладбище отживших гипотез, а непрерывный процесс аккумуляции эмпирически проверенных знаний и выбраковки тех теорий, которые не подтверждаются на практике. Теория лингвополитического реализма не предлагает ничего принципиально нового ни в своих принципах, ни в методах, ни в терминологии — она опирается на тот эмпирический опыт и знания, которые накопила наука о международных отношениях в течение тысячелетий.

Но систематическое изучение международных отношений как отдельной научной дисциплины началось только в XX в. на основе принципов политического идеализма, желавшего изменить отношения между государствами в духе англоязычной либеральной идеологии. Как писал А. Циммерн, первый профессор первой кафедры международной политики, открытой в Университете Аберистуиса (Aberystwyth, Уэльс) в 1919 г., «либерализм это больше, чем кредо: это состояние сознания, политическая религия. У нее есть свои святые и мученики, так же как свои философы и учителя...», и «среди англоязычных народов либерализм является... доминирующим и почти повсеместно принятым политическим кредо» [1]. К сожалению, как и рукава Томаса Мюнцера, данная теория не сумела выдержать столкновения с реальностью. Как и предрекал позитивист Г. Спенсер, «никакая политическая алхимия не сможет превратить свинцовые инстинкты в золотые нравы» [2]. Поэтому идеалистический подход закономерно уступил место политическому реализму, который рассматривал международные отношения как независимую от субъективных желаний систему силового противоборства между государствами в духе дагомейского короля, опочивальня которого была «вымощена черепами соседних вождей и князей с той целью, чтобы король мог попирать их ногами» [3, с. 10].

Политический реализм на практике доказал свою применимость к международным реалиям «свинцового» XX в. Но тем не менее сразу же проявилась и некоторая узость данного направления. Сведение всех социальных процессов к биологическим императивам естественной борьбы за самосохранение, за доминирование и за ресурсы (аналогично процессам в животном царстве) не полностью отражало реальность международных отношений, в которой межгосударственное противоборство было значимым, но не единственным действующим фактором. Односторонность этой теории была компенсирована в процессе синтеза обновленного неореализма с неолиберализмом, избавившимся от идеалов и переключившимся на изучение объективной экономической составляющей процессов международного сотрудничества (так называемый синтез нео-нео). Именно в результате этого синтеза было сделано достаточно полное теоретическое и практическое описание системы международных отношений. Однако качественное описание объекта не сопровождалось столь же тщательным описанием субъекта исследования. Зачастую в реалистической методологии действительность воспринималась как данная независимо от субъекта, сама по себе. Но парадокс состоит в том, что даже если общество функционирует согласно неким объективным законам, то описание общества («самоописание») тем не менее вынуждено быть субъективным, что ставит под сомнение саму «объективность» этих выявленных законов.

Поэтому закономерно, что вслед за философией и социологией в науке о международных отношениях также начался «лингвистический поворот» к субъекту, принявший форму постструктурализма, постмодернизма или конструктивизма

и выводящий на первый план субъективную роль языка (речи, дискурса) в формировании социальной реальности. Учитывая доминирующий языковой вектор данного направления исследования, вероятно, будет уместно обозначить все эти очень многообразные идеалистические подходы к изучению международных отношений под собирательным названием «лингвополитический идеализм».

С точки зрения современного лингвополитического идеализма миром правят идеи (идеологии, дискурсы), которые конструируют реальность через речевые акты. Таким образом, любое научное исследование по определению не может быть ничем другим, как идеологией. Поэтому сам «объективный факт» исчезает и становится только нашим субъективным «представлением о факте». В этом отношении характерно, например, название книги философа Дж. Остина — «Как делать вещи при помощи слов?». Немецко-американский исследователь международных отношений Н. Онуф, первый назвавший себя «конструктивистом», также полагает, что социальная реальность не существует сама по себе, она постоянно конструируется и реконструируется посредством речевых актов. Этот процесс можно уподобить непрерывному «перезаключению» общественного договора, который люди пытаются через обсуждение сделать как можно более эффективным. Разумеется, это касается и сферы международных отношений: «В международных отношениях агенты и структуры конструируют друг друга» [4, с. 48] через речевые акты. Таким образом, «конструирование общества или сообщества стран — это непрерывный процесс конструирования через язык» [4, с. 62], и мир международных отношений превращается в дискурс (или скорее в различные дискурсы) о международных отношениях: «В сфере международных отношений мы находимся в бесконечном процессе конструирования миров через наше восприятие, которое в свою очередь опосредовано языком... Разные цели стран конструируют разные миры через язык» [4, с. 60]. Причем эти разные языковые миры не понимают друг друга. Как пишет Онуф, «греческий язык Аристотеля сопротивляется переводу на английский язык» [5]. Таким образом, видимо, исчезают сами понятия объективного мира и научной объективности как таковой, и, следуя за конструктивистами в погоне за субъектом исследования, мы неожиданно теряем его объект. Неудивительно, что в условиях использования лингвистическими идеалистами языка как тарана против эмпирического мира неореалисты, крепко держась за объект, фактически игнорируют языковую проблематику, отдав ее в распоряжение лингвополитическому идеализму.

Несмотря на очевидные заслуги лингвополитического идеализма в привлечении внимания к важнейшей для любого социального исследования языковой проблематике, представляется, что данное направление «выплеснуло» вместе с водой и «ребенка», т. е. сам реальный мир. Объект в конструктивизме незаметно растворился в субъекте и «субъективно» исчез. Но мир не таков, как мы его себе представляем, а таков, каким он заставляет нас его представлять. Ведь, по выражению М. Вебера, «социальная наука» — это «наука о действительности» [6, с. 369]. Для любой социальной практики интересно не наше субъективное представление о мире, а его соответствие объективной реальности. А если наши субъективные представления по каким-либо причинам расходятся с этим независимым от нашей воли трендом, то внешний мир не замедлит нас скорректировать. Однако если исследователь международных отношений, фокусируя внимание на внешнем объективном мире

и действующих в нем закономерностях, не замечает язык, то это означает отрыв от социальной реальности, ведь язык — тоже ее объективный феномен.

Именно через язык снимается парадокс невозможности постижения объективного социального мира без помощи субъективного описания. Язык одновременно исполняет две важнейшие функции — коммуникативную (является инструментом общения) и когнитивную (является инструментом мышления). Коммуникативная функция языка оформляет и поддерживает все социальные системы и институты, а с помощью когнитивной функции языка мы их описываем и фиксируем. Другими словами, коммуникативная функция языка создает все социальные структуры как объект, доступный для внешнего наблюдения, а когнитивная функция языка создает сам субъект как таковой. Причем обе эти функции неразрывно связаны друг с другом. Как писал Н. Луман, «язык делает возможным регулярное структурное сопряжение систем сознания и систем коммуникации» [7]. Таким образом, как объективная социальная действительность, так и ее субъективные описания задаются языком как единой знаковой системой. Именно поэтому ни один обычный человек не видит никакого несоответствия между своей объективной социальной жизнью и ее субъективным восприятием — то, что подходит для мышления, подходит и для коммуникации. Более того, само мышление возникает и развивается только в процессе коммуникации. Таким образом, по крайней мере в социальных науках, изучающих процесс коммуникации (взаимодействия) индивидов, не существует методологического разрыва между «предметом» изучения и субъектом исследования. Язык, по словам К. Леви-Строса, сам представляет собой социальное явление, и даже «когда мы говорим, мы не отдаем себе отчета в синтаксических и морфологических законах языка. Более того, мы не обладаем сознательным знанием фонем» [8, с. 68]. Несмотря на то что само сознательное формулирование «законов языка» осуществляется только в науке, язык практически функционирует в обществе, ничего не подозревающим о существовании этих законов. «Можно, следовательно, утверждать, что в лингвистике влияние наблюдателя на объект наблюдения ничтожно мало: осознания явления наблюдателем недостаточно для того, чтобы его изменить» [8, с. 69]. Это же касается и закономерностей функционирования общества, возникающего и воспроизводящегося на базе языка как объективного явления.

Что касается научного исследования, то истина рождается в споре о терминах, но апеллирует к эмпирическим фактам. Основатель американского прагматизма У. Джемс как-то заметил по поводу вопроса о том, двигается ли человек вокруг белки, если он бежит вокруг дерева, на котором она находится, но и белка тоже одновременно движется вокруг ствола так, что человек ее не видит: «Вопрос о том, какая из сторон права... зависит от того, какой практический смысл вы вкладываете в выражение “двигаться вокруг белки”... Установите это различие, и тогда не будет никаких оснований для дальнейшего спора» [9, с. 32–33]. Таким образом, по словам У. В. О. Куайна, «наблюдаемым является все то, что было бы незамедлительно подтверждено всяким владеющим языком очевидцем с его пятью органами чувств» [10, с. 20–21]. Поэтому поиск научной истины — это интерсубъективный путь к объективной реальности. Лингвополитический реализм выступает как антитеза лингвополитического идеализма и как необходимое дополнение к современному синтезу «нео-нео» в теории международных отношений.

2. Теоретическая база лингвополитического реализма

Лингвополитический реализм (как и любая современная теория международных отношений) неизбежно возникает на основе аккумуляции научных знаний, накопленных всеми социальными науками. Поэтому неудивительно, что его теоретическая база достаточно широка и носит междисциплинарный характер. На наш взгляд, для успешного исследования международных отношений необходим анализ экономических, политических, социальных и лингвистических факторов.

- 1) Исследование экономического («материального») фактора в международных отношениях начал марксизм, утверждающий, что экономические детерминанты в значительной степени определяют не только социально-политическое и культурное развитие отдельных обществ, но и взаимоотношения между нациями. К сожалению, данное научное направление формировалось не только как реалистическая научная теория («академический марксизм», «strong Marx»), но одновременно и как политическая идеология («light Marx») с необходимой подгонкой научных результатов под политические потребности посредством «марксистской диалектики». Как писал сам Маркс, «возможно, что я оскандаюсь. Но в таком случае, на помощь всегда может прийти некоторая диалектика. Разумеется, свои утверждения я изложил таким образом, чтобы быть правым также и в противоположном случае» [11, с. 127]. Таким образом, политическая форма марксизма не соответствовала его научной форме. В сфере изучения современных международных отношений в качестве продолжателя традиции академического марксизма выступает международная политическая экономия (IPE), рассматривающая экономику как важнейший *regretuum mobile* международных отношений. Однако очевидно и то, что «сведение к одним экономическим причинам нельзя считать в каком бы то ни было смысле исчерпывающим ни в одной области культуры, в том числе и в области хозяйственных процессов» [6, с. 368].
- 2) Роль политического фактора в международных отношениях выявлена политическим реализмом. Причем неореализм учитывает не только естественную («данную от природы») политическую борьбу государств друг с другом, но и важную роль в этой борьбе негосударственных акторов и экономических детерминант. Опять-таки очевидно, что и экономическое, и политическое взаимодействие индивидов и групп друг с другом возможно лишь в обществе.
- 3) Определение и разработка понятия общества как процесса коммуникации шло в рамках социологической традиции. Впрочем, ее основы можно обнаружить еще у Аристотеля, который писал, что «всякое государство представляет собой своего рода общение... Больше других, и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным для всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» [12]. Т. Парсонс определил социальную систему как «реляционную (связанную с отношениями) систему взаимодействия индивидов и коллективов» [13, с. 691]. Э. Гидденс (теория структуриации) предположил, что социальная система представляет собой не заданные раз и навсегда рамки, но скорее «генеративные» (порожда-

ющие) правила (и ресурсы)» [14, с. 59]. Н. Луман разработал теорию коммуникации. По его мнению, общество состоит из многих систем, каждая из которых исполняет свою функцию (экономическая, политическая...), но все они связаны друг с другом одной общей системой, которая собственно и является системой всех этих систем, т. е. «системой общества», которая производит и воспроизводит исключительно коммуникацию. По словам Лумана, «общество немислимо без коммуникации, но и коммуникация немислима без общества... Тезис самовоспроизводства через коммуникацию постулирует четкие границы между системой и ее внешним миром. Воспроизводство коммуникаций из коммуникаций имеет место в обществе. Все другие физические, химические, нейрофизиологические и ментальные условия относятся к окружающему миру» [7, с. 11]. Таким образом, с точки зрения Лумана общество фактически является языковой коммуникацией в чистом виде.

- 4) Лингвополитология спускается от абстрактных социально-философских проблем взаимосвязи общества, языка и коммуникации в целом к изучению практического политического взаимодействия конкретных сообществ, говорящих на разных языках, ибо именно коммуникативно-языковые сообщества, с точки зрения лингвополитологии, выступают как главные политические акторы международных отношений. Этот лингвополитический подход далеко не нов. Его элементы можно найти уже в библейских текстах. О соотношении конкретного языкового сообщества и политической организации размышляли Геродот и Цицерон в Древнем мире («Так как они говорят на одном языке, то им следовало бы улаживать споры через глашатаев и послов и лучше любыми другими способами, чем войнами» [15, с. 553]), многочисленные писатели и ученые Средневековья и Нового Времени (в том числе Н. Макиавелли), представители немецкого лингвистического историзма (например, И.-Г. Гердер и В. фон Гумбольдт) и даже К. Маркс с Ф. Энгельсом. Языковое сообщество рассматривалось в марксизме как необходимая база для материального производства, ибо «производство обособленного одиночки вне общества... такая же бессмыслица как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов» [16, с. 28]. С точки зрения К. Маркса любое общество является «формой общения» (Verkehrsform). Причем языковое сообщество является исключительно человеческой формой существования биологической общности («рода») и преодолевает его границы: «Тем обстоятельством, что Санчо говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам» [17, с. 427]. Именно благодаря своему открытому характеру естественно возникшая языковая общность сохраняется в процессе экономического развития, меняя свои рамки и форму и выступая на исторической арене то как племя, то как народность, то как нация. Таким образом, отдельные народы созданы языком, и он же отгораживает их друг от друга. Как писал К. Каутский, «язык является неустранимым средством совместной работы и взаимопомощи, а следовательно, всяких общественных отношений и связей. Общность языка является мощным связующим звеном людей, различие языков — трудно преодолимая преграда между ними» [18, с. 112].

- 5) Лингвистика изучает сам язык как систему знаков. Для нас особо важен лингвистический взгляд на взаимодействие между разными языками (начиная с работы Дж. Гемпла [19] и до современной социолингвистики). Кроме того, при проведении анализа связи между языком и идеологией интересна концепция лингвистического детерминизма (В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, А. Вержбицка и т. д.), согласно которой каждый язык создает свою «языковую картину мира», принципиально отличающуюся от картин мира других языков. Н. Хомски, напротив, предлагает теорию «универсальной», или «генерирующей», грамматики, общей для всех языков, являющейся их общим когнитивным базисом. На наш взгляд, данные теоретические подходы также идут в русле аккумуляции знаний, не столько отвергая, сколько дополняя друг друга. Трудно спорить с тем, что все языки серьезнейшим образом отличаются друг от друга по принципам своего описания мира, по своей семантике и логике, но опять-таки бесспорно, что существуют и универсалии, общие для всех языков и делающие возможным перевод с языка на язык. Очевидно, что проблема связи между отдельным языком и идеологией имеет особое значение и для методологии любого научного исследования, которое возможно только на базе отдельного конкретного языка.

3. Методология лингвополитического реализма

Н. Луман писал о том, что «в коммуникации всегда коммуницируют и о самой коммуникации» [7, с. 12]. Эта коммуникация называется «самоописанием» общества, так как она может изучаться только с помощью языка. Поэтому в анализе современных международных процессов, помимо использования таких ставших привычными в современной науке методов исследования, как структурно-функциональный и системный анализ, компаративный и сравнительно-исторический метод (и т. д.), стоит отметить три метода исследования, особо важных для лингвополитического реализма:

- 1) Метод структурно-коммуникативного анализа основан на коммуникативной функции языка, т. е. предполагает рассмотрение всех социальных образований как коммуникативно-языковых сообществ.
- 2) Метод терминологического анализа основан на когнитивной функции языка и теснейшим образом связан с эпистемологией. Как писал английский юрист XVII в. Эдвард Кок, «если ты не знаешь слов, то невозможно и познание вещей; и если бы исчезли слова, то несомненно потерялось бы и различие вещей» [20]. Метод терминологического анализа сочетает в себе:
  - а) лингвопозитивистский метод, идущий в русле ранних идей лингвистического позитивиста Л. Витгенштейна и призванный установить соответствие термина наблюдаемым фактам и избавиться от пустых или расплывчатых терминов;
  - б) сравнение значений похожих слов в разных языках. Ибо каждый язык «искажает» реальность по-своему — поэтому существуют английская, немецкая или французская школы в науке, разделенные не только государственными границами, но и языками. Точные науки лишены этой проблемы только потому, что в процессе их развития был выработан

- общий искусственный научный язык, единый для всех языковых сообществ (как в математике). В общественных науках, впрочем, также всегда существовало стремление к созданию универсальной терминологии;
- с) компонентный анализ: лингвистический метод определения точного значения слова путем его анализа и выделения семы («элементарная составляющая значения слова», «мельчайшая единица смысла»), который может использоваться во всех языках и для всех языков и создает некий аналог универсального языка.

Таким образом, слова и предложения имеют право на научное существование только тогда, когда они указывают на объекты и факты реального мира. Любой термин («слово») должен быть четко определен и отграничен от других терминов. Несмотря на кажущуюся простоту и банальность, данный древний как сама наука метод является необходимой базой для всякого научного исследования.

- 3) Метод реконструкции социально-политических процессов на основе исследования языковых процессов, хорошо изученных лингвистикой, социолингвистикой и политической лингвистикой. Ведь когда мы рассматриваем любую социальную систему как постоянный процесс коммуникации (структуриацию), то обнаруживаем, что этим же самым процессом языковой коммуникации давно и плодотворно занимаются лингвисты. Разумеется, их внимание, прежде всего, сконцентрировано на языковых изменениях, их причинах и последствиях. Но очевидно, что любое изменение в языке (часто даже и фонологическое) является следом неких социальных изменений в языковом сообществе, которые можно социологически и политически реконструировать именно благодаря хорошо изученным языковым мутациям и новшествам. Очевидно, что язык является автономной, но не независимой от общества системой. Поэтому все процессы, происходящие собственно в языке (и между языками) и изучаемые лингвистикой и социолингвистикой, так или иначе отражают изменения, происходящие собственно в обществе (т. е. в коммуникации). Язык (помимо всего прочего) является зеркалом общественных процессов, поэтому сам общественный процесс, скрупулезно изученный лингвистикой и социолингвистикой в его языковом выражении, может быть реконструирован и в общественных науках. Ибо не бывает отражения без предмета, который оно отражает.

В качестве иллюстрации одновременного применения всех этих методов на одном примере приведем лингвополитический анализ понятия «государство», ключевого для теории политического реализма. Государство является, с одной стороны, социальной реальностью, определяющей жизнь людей, но с другой — неким фантомом, призраком, который нельзя ни увидеть, ни потрогать. Если мы ассоциируем государство с его правителем или же с территорией, огороженной пограничными столбами, то скорее мы видим не само государство, а только некоторые зримые результаты его существования.

С точки зрения коммуникационного подхода государство как объективный (доступный для наблюдения) факт существует только и исключительно как устойчивая, исторически сложившаяся и самовоспроизводящаяся из поколения в поколение система коммуникации (прежде всего речевых контактов) между инди-

видами, имеющая иерархическую структуру. Эту коммуникацию и создаваемую в ее процессе систему устойчивых связей между индивидами мы и называем государством. Таким образом, когда мы говорим о взаимодействии и противоборстве государств в международных отношениях, фактически мы имеем в виду взаимодействие и противоборство друг с другом различных (и зачастую разноязычных) организованных коммуникативно-языковых сообществ.

С точки зрения когнитивного подхода термин «государство» — это отражение в сознании людей (через язык) их представления о данном реальном социальном феномене. Именно на этом субъективном на их взгляд «представлении» и фокусируют свое внимание представители лингвополитического идеализма. Но представление о государстве не является субъективным. Во-первых, оно отражает объективную социальную реальность. Так, например, в тех обществах, где не было государства, не было и представлений о нем, так же как не было и отдельного слова в языке для его обозначения. Во вторых, это представление носит общественный характер и объективно закреплено в семантике языка, который мы придумываем не сами, но которому нас обучают в детстве. Таким образом, общество через общий для всех своих членов язык естественным образом фиксирует у них единое представление о государстве. Всякие дальнейшие идеологические и философские споры о термине «государство» возможны только на базе этого единого представления. Поэтому первоочередной задачей исследователя феномена государства является рациональное выделение этого общего представления о государстве и определение его соответствия объективным фактам окружающего мира, доступным нам через наши органы чувств. Если ученые договариваются друг с другом о точном значении термина, то обычно дальше спорить уже не о чем, ибо в процессе определения феномена происходит и его полное описание (т. е. исследование). Разумеется, следует иметь в виду и многоязычие человечества — все мы видим и ощущаем окружающий мир одинаково, но расчлняем и описываем его по-разному, в соответствии с логикой и семантикой своих языков, сложившейся на основе разных коммуникативных сообществ, находящихся на разных формах и этапах социально-экономического развития. Поэтому русский термин «государство» (этимологически происходящий от слова «господарство», «господин», «господство») не полностью тождественен английскому «State» («состояние, положение»), и тем более китайскому 国家 («страна, нация, государство»), не говоря уже о том, что в языке !Kсу (!Xóǒ) это слово, вероятно, просто отсутствует (знак «!» служит для обозначения особого щелкающего звука, характерного только для этого бушменского языка). Задача универсальной науки должна заключаться в том, чтобы либо найти один общий научный термин или через словесное соответствие, или через описание (как это делается в словарных статьях), которое в наибольшей степени соответствует реальному эмпирическому факту, либо отграничить друг от друга все эти термины из разных языков, четко обозначив их разное значение.

Согласно методу реконструкции социально-политических процессов на основе исследования языковых процессов, хорошо изученных лингвистикой, можно отметить, что история, например, немецкого языка может служить хорошей путеводной нитью для историка, занимающегося рассмотрением социально-политических процессов складывания немецкого государства. Как писал Г. Плеханов, «в настоя-

щее время знакомство со специальными общественными науками необходимо для всякого, кто пожелал бы восстановить какую-нибудь часть прошлой жизни человечества. Историческая наука недалеко бы ушла без филологии» [21, с. 242].

4. Основные положения теории лингвополитического реализма

Принципы лингвополитического реализма вытекают из его методологии. Они не являются аксиомами, но основываются на данных эмпирической реальности и могут быть проверены на практике. Эти принципы соответствуют двум основным функциям языка (когнитивной и коммуникативной), которые теснейшим образом связаны друг с другом. Исследование коммуникативной роли языка в международных отношениях может быть обозначено как лингвополитология. Исследование когнитивной роли языка как инструмента мышления может быть названо лингвософией. Таким образом, лингвополитология и лингвософия являются двумя направлениями нашего исследования, неразрывно связанными друг с другом. Под термином «лингвополитика» понимается любое взаимодействие различных языковых сообществ друг с другом. Так как любое такое взаимодействие, основанное на языковом разделении «мы/они», неизбежно носит политический характер, а любое политическое взаимодействие неизбежно имеет языковой характер, то в принципе термин «лингвополитика» равнозначен термину «политика» вообще. Под термином «лингвоидеология» мы понимаем связь конкретного языка с определенной «языковой картиной мира» и идеологией. Термин «лингвоидеология» подчеркивает тот факт, что любое мировоззрение, идеология или «картина мира» по необходимости должны быть сформулированы на конкретном отдельном языке и несут на себе его отпечаток. В принципе, термин «лингвоидеология» в нашем понимании равнозначен термину «идеология».

Итак, следующие принципы лингвополитологии основаны на коммуникативной функции языка как инструмента общения:

1. Социальное общение (коммуникация) невозможно без языка. Общение без помощи языка либо не является осмысленным (т.е. не является собственно социальным), либо все равно основано на том, что наши мысли были предварительно сформулированы с помощью устного языка. Таким образом, всякие иные неречевые (или параязыковые) системы общения (жесты, мимика, письменность, язык глухонемых и т.д.) вторичны по отношению к языковой коммуникации и создаются на его основе.
2. Языковая коммуникация образует на основе физического, биологического и психического мира все коммуникативно-языковые (т.е. собственно социальные) системы, начиная от семьи и кончая государством или международными организациями. Таким образом, любая социальная организация (общество, нация и т.д.) — это устойчивая система коммуникационно-языковых связей между людьми, т.е. коммуникативно-языковое общество.
3. Социальный прогресс общества зависит не только от совершенствования орудий труда, но и от развития самих средств языковой коммуникации. Государство не могло бы возникнуть без письменности, национальное государство — без книгопечатания, современное государство — без появле-

ния печатных и электронных СМИ, становление постиндустриального государства немислимо без широкого применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

4. На уровне человеческого «рода» (*homo sapiens sapiens*) существуют социальные универсалии, единые для всех человеческих обществ.
5. Процесс разделения общечеловеческого «рода» на отдельные коммуникативно-языковые «виды» основан на биологическом законе роста численности населения с его неизбежным расселением на новые территории по экономическим причинам и естественным прекращением коммуникации, которое приводит к формированию новых коммуникативно-языковых сообществ со своими диалектами. Именно на основе языковой разницы неизбежно начинает действовать бинарный (по выражению Лумана) принцип различения «мы/они» («друзья/враги», по выражению К. Шмитта), лежащий в основе всего политического. Именно это политическое разделение, возникающее на коммуникативно-языковой почве, создает международные отношения как таковые.
6. Уровень «вида» соответствует различным языковым общностям. Языковая общность («этнос» или «национальность») — это множество людей, которые потенциально могут использовать в коммуникации друг с другом взаимопонятный код. Этнос является не биологической общностью, а иерархизированной языковой общностью. Только на ее базе возможно установление и поддержание коммуникации, которая создает и поддерживает организованные долговременные социальные связи, т. е. складывание коммуникативно-языкового сообщества.
7. На уровне «популяции» (т. е. на уровне реально контактирующих друг с другом индивидов, объединенных друг с другом территорией и языком-речью) естественно возникает коммуникативно-языковое сообщество (*speech community*). Коммуникативно-языковое сообщество — это открытая для интенсивного и экстенсивного роста система устойчивых коммуникационных связей, которая в зависимости от интенсивности связей и их охвата может принимать вид любых политических образований (племя, протогосударство, вождество, квазигосударство и т. д.).
8. Внутри каждого коммуникативно-языкового сообщества существует множество иных коммуникативно-языковых подсообществ (географических, социально-экономических, политических и т. д.). В рамках их взаимодействия друг с другом внутри единого языкового сообщества неизбежна не только силовая, но прежде всего языковая борьба за доминирование, т. е. политика. Как писал Р. Барт, общество «со своими социоэкономическими и невротическими структурами образует из языка поле брани» [22]. «Все политические понятия, представления и слова имеют полемический смысл... Терминологические вопросы становятся тем самым делом высокой политики; слово или выражение может одновременно быть отражением, сигналом, опознавательным знаком и орудием враждебного противостояния» [23, с. 306]. По результатам этой борьбы складывается социальный порядок, т. е. общество как структурированная иерархизированная система.

9. Высшей, наиболее организованной формой коммуникативно-языкового сообщества является государство (исторически возникающее на базе того или иного языкового сообщества), стремящееся унифицировать всех своих подданных в языковом отношении, т. е. создать единое языковое общество — нацию. Идеальная нация (в понимании, сформированном Великой французской революцией) — это политическое сообщество граждан государства, говорящих на одном языке: «Внешнее единообразие формы навязывается обществом с помощью внедрения языка и сглаживания коммуникации» [10, с. 77–78]. В случае отсутствия единого государственного языка можно говорить о политической нации как о совокупности всех жителей страны, обладающих ее гражданством, но трудно говорить о нации как о сложившемся едином устойчивом коммуникативно-языковом обществе (как, например, в случае с Канадой или Бельгией).
10. Международные отношения — это взаимоотношения (коммуникация) друг с другом различных высокоорганизованных коммуникативно-языковых сообществ (обществ), осложненные отсутствием общего кода для коммуникации и потому естественно обладающие высоким конфликтным потенциалом, но неизбежные в силу стремления каждого сообщества к росту и экономическому развитию. Еще Г. Спенсер полагал, что «беспрестанная война между видами есть главная причина не только развития, но и организации» [3, с. 14], или, говоря то же самое современным языком, «человечество обладает разнообразием, постоянно его воспроизводит, и это разнообразие есть условие его развития. Это разнообразие касается как биологической природы, так и культурных характеристик опять же многообразных форм человеческих коллективов: от семейно-родственной группы до национальных сообществ» [24, с. 3]. Современные международные отношения — это взаимоотношения (коммуникация) друг с другом не только государств и созданных ими международных организаций, но и иных коммуникативно-языковых сообществ разной степени организации (неправительственные организации, транснациональные компании, церкви и т. д.), функционирующих с помощью транснациональных сетей на одном из международных языков. Выбор для коммуникации того или иного международного языка является не случайным, но значимым фактором в международных отношениях.
11. Следуя за политическими реалистами можно отметить, что любое коммуникативно-языковое сообщество естественно и неуклонно стремится к распространению зоны своей коммуникации и языковой ассимиляции других коммуникативно-языковых сообществ. Это игра с нулевой суммой, так как в процессе установившейся и продолжительной коммуникации всегда доминирует один язык. В политической сфере часто практиковалось насильственное навязывание господствующего языка. Международные переговоры всегда являлись необходимым инструментом политического взаимодействия между различными коммуникативно-языковыми сообществами, но языком-посредником (международным языком) на них зачастую становился язык доминирующего государства, не выступающий в качестве нейтрального инструмента. «Объектом, в котором от начала времен гнездится

власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение — язык. Языковая деятельность подобна законодательной деятельности, а язык является ее кодом» [22].

12. В экономической сфере производство традиционно носило национальный характер, а торговля — интернациональный. Необходимым инструментом торговли служил язык-посредник, распространявшийся вслед за установлением торговых и экономических связей и становившийся инструментом «мягкой силы». В сфере экономики правила игры с нулевой суммой не действуют, и всегда возможно «испечь пирог побольше», что в языковом преломлении выражается в распространении билингвизма и мультилингвизма (любое языковое сообщество имеет открытые границы на вход). Однако билингвизм зачастую носит односторонний характер и не распространяется в экономически доминирующем коммуникативно-языковом сообществе. За счет того, что в сфере экономической необходимости распространение языка не носит принудительного характера, оно более эффективно.

«Зеркальные» принципы исследования идеологического отображения социально-политических процессов основаны на когнитивной функции языка (язык как инструмент мышления):

1. Сознание невозможно без языка, ибо невозможно мышление без слов. Без языка возможно проявление только психических реакций и инстинктов (как у животных). Как писал Бенвенист, «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект» [25, с. 293].
2. На основе языка происходит создание всех других «вторичных» дискурсивных кодов (религия, идеология, культурные традиции и т. д.).
3. Развитие языка зависит от уровня социально-экономического развития общества. Одновременно язык выступает как объективный общественный фактор, действующий и развивающийся по своим собственным, не зависящим от воли отдельного человека, законам.
4. Существуют языковые универсалии, общие для всех языков, ибо язык отражает воспринимаемый человеком мир, а на уровне чувственного восприятия все ощущения одинаковы у всех людей. Но осмысливаются эти чувственные восприятия по-разному — в зависимости от языка.
5. В языке нет ничего кроме различий (по мнению основоположника современной лингвистики и структурализма Ф. де Соссюра). Малейшая разница в наборе звуков создает уже совершенно другое слово, так же как и предмет может быть выделен из объективного мира только с помощью его противопоставления другим предметам. Сознание функционирует на принципе различения (тот же принцип, кстати, был применен и для создания компьютера).
6. Отдельный язык соответствует отдельной языковой общности. Без языка мыслить нельзя, но каждый язык структурирует мысль определенным образом, т. е. создает свою уникальную языковую парадигму. Любая идеология является продуктом мышления, следовательно, возникает на конкретной языковой базе на основе этой парадигмы. Причем, как полагал П. Рикер, «идеология является оперативной, а не тематической. Она скорее действует за нашими спинами, чем появляется как некая тема перед нашими глазами» (цит. по: [26]).

7. Единый язык служит необходимой базой для возникновения социально-политической организации и определяет ее естественные границы.
8. Внутри условно моноязычного общества наличествует деление по географическим признакам, экономическим и политическим интересам, которое тоже отражается в языке, т. е. создает тот или иной диалект, социолект или «дискурс». Дискурсы (собственно политические идеологии) внутри сообщества каждого отдельного языка отражают различные социально-экономические интересы различных групп, принадлежащих к одной языковой общности.
9. Государственный стандартизированный язык не создается искусственно единовременным актом. Он — высший продукт долгой лингвистической эволюции. Языковая (так же как и социальная) реальность не «конструируется» каждый раз заново, а воспроизводится от поколения к поколению в процессе социального взаимодействия через речевые акты по заданной парадигме языка. Иначе бы коммуникация была в принципе невозможна, и приходилось бы каждый раз заново изобретать язык, причем механизм этого «изобретения» до сих пор неясен. Языковая парадигма, хотя и зависит от экономических изменений, но изменяется медленно и служит консервативным фактором в любых изменениях.
10. Сама политическая и идеологическая борьба как внутри отдельного языкового сообщества, так и между языковыми сообществами носит, прежде всего, языковой характер. «Язык это орган политики, так же как и всех общественных отношений» [27]. Поэтому политическая работа — это, в основном, работа со словами, и в ней нет ничего реалистичнее, чем споры о словах. Поставить одно слово вместо другого — значит изменить видение социального мира и через это способствовать его трансформации в заданном направлении.
11. Различные языки неизбежно сталкиваются и взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие достаточно конфликтно, ибо при переходе с языка на язык мы не просто автоматически меняем этикетки на предметах, но каждый язык представляет собой языковую парадигму (метаидеологию), отражающую свой особый взгляд на мир. Исторически каждому отдельному языку соответствовала стихийно возникающая в его границах языковая идеология (религия), которую сейчас мы называем язычеством (от слова *языкъ* = народ). «Мировые» религии и идеологии (дискурсы) также неизбежно адаптируются под себя каждым языком в соответствии с его языковой парадигмой. Таким образом, «благодаря этому великому факту национальной апперцепции каждая мысль, заимствуемая одной нацией у другой, всегда должна быть приспособлена ко всему национальному духу нации, изменена ею раньше, чем быть принятой нацией» [18, с. 146]. Как писал Г. Спенсер, «точно также в Германии мы видим, что партия социалистов, которую считают и которая сама себя считает желающей всецело реорганизовать общество, на самом деле так неспособна мыслить вне форм того социального типа, в котором она родилась и воспиталась, что ее предполагаемая социальная система есть, в сущности, ни что иное, как новая форма той самой системы, которую она хотела разрушить» [3, с. 31]. Таким образом, язык определяется не только тем, что он позволяет сказать, но прежде всего тем, что он заставляет сказать.

12. С точки зрения лингвистики процесс взаимодействия языков обычно ведет не к их смешению, но к доминированию одного из них. Любой язык при необходимости с легкостью включает в свой состав и ассимилирует слова из других языков, но изменение грамматических правил идет крайне медленно. Исчезновение свойственных языку грамматических правил означает переход на другой язык, исчезновение языка.

Таким образом, международные отношения — это непрерывное взаимодействие друг с другом различных коммуникативно-языковых сообществ, их языковых парадигм и идеологий.

5. Заключение. Теория лингвополитического реализма и практика дипломатической работы

Всякое взаимодействие является коммуникативно-языковым по своей сути, всякая связь — это коммуникативная связь. Поэтому все социально-политические процессы должны изучаться через их коммуникативно-языковую основу (наиболее адекватное и полезное описание общества). В общем-то, практики в области международных отношений всегда работали с помощью этого метода. Согласно принципам лингвополитического реализма мы изучаем не мнимые «взаимодействия» друг с другом отвлеченных абстрактных структур, а ту информацию, которая соотносится с практическими методами работы любого МИДа и серьезных практических аналитиков в области международных отношений: изучение ключевых фигур и социально-коммуникативных сетей вокруг них. Кроме того, тщательно анализируются тексты и терминология политиков, созданные в определенном идеологическом ключе на определенном языке. Аналитические записки дипломатов представляют реальность на основе коммуникативной и когнитивной функции языка. Они посвящены не пересказу («отражению отражения») дискурса политического идеализма или конструктивизма, оперирующего абстрактными или воображаемыми величинами, но фактическому описанию конкретных взаимодействий и связей политических деятелей («пошел», «встретился», «переговорил», «сказал», «намекнул», «связан дружескими связями с теми-то индивидами или группами», «материальные интересы связаны с теми-то группами»...), анализу взаимодействия конкретных коммуникативно-языковых групп и сообществ и их экономических и политических интересов, а также составлению (вероятно, без помощи когнитивного картирования) когнитивных карт, т.е. схем мышления значимых политических лидеров. Таким образом, теория лингвополитического реализма не планирует изменить мир международных отношений, но призвана, отталкиваясь от практики, систематизировать методологию его точного научного описания, необходимого в практической международной работе.

С точки зрения лингвистического реализма развитием общества управляют и экономические детерминанты, и закономерности, выявленные политическим реализмом, но действуют они только в коммуникативно-языковом поле. В первую очередь именно лингвистический фактор (разница языков, невозможность взаимопонимания) делит мир международных отношений на «мы» и «они», и вся история международных отношений — это процесс взаимодействия различных коммуникативно-лингвистических сообществ и их представлений о мире, отражающих

объективные социально-экономические реалии. Лингвополитический анализ этих процессов является ключом к изучению международных отношений. Разумеется, теория лингвополитического реализма не претендует на универсальность (объяснение всего и вся при любых условиях), но она неизбежно касается всех сфер, в которых используются человеческий язык и языковая коммуникация.

Литература

1. *Zimmern A.* Nationality and Government. URL: <https://archive.org/details/cu31924030438612> (дата обращения: 17.02.2017).
2. *Spencer H.* Critical Assessments. Vol. 4. URL: <https://books.google.ru/books?id=qtSF8UV7L> (дата обращения: 17.02.2017).
3. *Спенсер Г.* История политических институтов. М.; Челябинск: Социум, 2015. 432 с.
4. *Азизов У.Б.* Конструктивизм в международных отношениях. СПб.: Алетейя, 2015. 160 с.
5. *Onuf N.* Rule and Rules in International Relations. URL: http://www.helsinki.fi/eci/Events/Nicholas%20Onuf_Rule%20and%20Rules%20%204-2-14.pdf (дата обращения: 20.11.2017).
6. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. *Луман Н.* Общество общества. М.: Логос, 2011. 640 с.
8. *Левин-Строс К.* Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008. 555 с.
9. *Джемс У.* Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. М.: ЛКИ, 2011. 240 с.
10. *Куайн У.В. О.* Преследуя истину. М.: Канонт, РАОИ «Реабилитация». 2014. 176 с.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 29. 729 с.
12. *Аристотель.* Политика. Кн. 1. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php (дата обращения: 17.05.2017).
13. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
14. *Гидденс Э.* Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
15. *Геродот.* История. М.: Аст, Хранитель, 2006. 671 с.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. Т. 46, ч. 1. 560 с.
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 3. 630 с.
18. *Каутский К.* Национальные проблемы. М.: Либроком, 2010. 183 с.
19. *Hetpl G.* Language-Rivalry and Speech-Differentiation in the Case of Race-Mixture. URL: <https://www.jstor.org/stable/282568> (дата обращения: 12.11.2017).
20. *The First Part of the Institutes of the Law of England.* London, 1639. URL: <https://archive.org/details/cu31924021661693> (дата обращения: 17.03.2017).
21. *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 236–266.
22. *Барт Р.* Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5458489276> (дата обращения: 12.07.2017).
23. *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
24. Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.
25. *Бенвенист Э. М.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
26. *Чернов И.* Первая мировая как ментальная война. URL: www.informprostranstvo.ru/N139_2010/istoriosofiya.html (дата обращения: 21.10.2017).
27. *Kautsky K.* Nationalstaat, Imperialistische Staat und Staatenbund. Nurnberg, 1915. URL: <https://gutenberg.spiegel.de/autor/karl-kautsky-782> (дата обращения: 12.11.2017).

Статья поступила в редакцию 15 января 2018 г.
Статья рекомендована в печать 1 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Чернов Игорь Вячеславович — канд. ист. наук, доц.; i.chernov@spbu.ru

Postconstructivism, or The theory of linguo-political realism in the international relations

Chernov Igor V.

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Chernov I. V. Postconstructivism, or The theory of linguo-political realism in the international relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 1, pp. 86–104. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.107>

This article for the first time systematically outlines the basic principles of the theory of linguo-political realism in international relations, and examines the methodology of linguo-political research. Every society is seen as a communicative linguistic community. Consequently, the main actors in international relations have always been and remain separate communicative linguistic communities that arise and function on the basis of a common language and a language paradigm (basic ideology). The processes of globalization and regionalization in the modern world also have a linguistic dimension.

Keywords: political realism, constructivism, linguo-political realism, communicative linguistic community, international relations.

References

1. Zimmern A. *Nationality and Government*. Available at: <https://archive.org/details/cu31924030438612> (accessed: 17.02.2017).
2. Spencer H. *Critical Assessments*. Vol. 4. Available at: <https://books.google.ru/books?id=qtSF8UV7L> (accessed: 17.02.2017).
3. Spenser G. *Istoriia politicheskikh institutov [History of political institutions]*. Moscow, Cheliabinsk, Sotsium Publ., 2015. 432 p. (In Russian)
4. Azizov U. B. *Konstruktivizm v mezhdunarodnykh otnosheniakh [Constructivism in International Relations]*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2015. 160 p. (In Russian)
5. Onuf N. *Rule and Rules in International Relations*. Available at: http://www.helsinki.fi/eci/Events/Nicholas%20Onuf_Rule%20and%20Rules%20%204-2-14.pdf (accessed: 20.11.2017).
6. Veber M. *Izbrannye proizvedeniia [Selected works]*. Moscow, Progress, 1990. 808 p. (In Russian)
7. Luhmann N. *Obshchestvo obshchestva [Society of Society]*. Moscow, Logos, 2011. 640 p. (In Russian)
8. Levi-Stross K. *Strukturnaia antropologiia [Structural Anthropology]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 555 p. (In Russian)
9. James W. *Pragmatizm. Novoe nazvanie dlia nekotorykh starykh metodov myshleniia [Pragmatism. A new name for some old methods of thinking]*. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 2011. 240 p. (In Russian)
10. Quine W. V. O. *Presleduia istinu [Pursuing the Truth]*. Moscow, Kanont Publ., RAOI «Reabilitatsiia», 2014. 176 p. (In Russian)
11. Marx K., Engels F. *Sochineniia [Works]*. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1962. Vol. 29. 729 p. (In Russian)
12. Aristotle. *Politika [Politics]*. Book 1. Available at: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php (accessed: 17.05.2017). (In Russian)
13. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh [About social systems]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 832 p. (In Russian)
14. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii [The organization of society: an outline of the theory of structuration]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 528 p. (In Russian)
15. Gerodot. *Istoriia [History]*. Moscow, Ast Publ., Khranitel' Publ., 2006. 671 p. (In Russian)
16. Marx K., Engels F. *Sochineniia [Works]*. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968, vol. 46, pt. 1. 560 p. (In Russian)
17. Marx K., Engels F. *Sochineniia [Compositions]*. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959, vol. 3. 630 p. (In Russian)

18. Kautskii K. *Natsional'nye problemy* [National problems]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 183 p. (In Russian)
19. Hempl G. *Language-Rivalry and Speech-Differentiation in the Case of Race-Mixture*. Available at: <https://www.jstor.org/stable/282568> (accessed: 12.11.2017).
20. The First Part of the Institutes of the Law of England. London, 1639. Available at: <https://archive.org/details/cu31924021661693> (accessed: 17.03.2017).
21. Plekhanov G. V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniia* [Selected works]. Vol. II. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1956, pp. 236–266. (In Russian)
22. Bartes R. *Izbrannye raboty: semiotika, poetika* [Selected works: semiotics, poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. Available at: <https://books.google.ru/books?isbn=5458489276> (accessed: 12.07.2017). (In Russian)
23. Schmitt K. *Poniatie politicheskogo* [The concept of political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 567 p. (In Russian)
24. *Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii* [The cultural complexity of modern nations]. Eds V. A. Tishkov, E. I. Filippova; Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia RAN. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2016. 384 p. (In Russian)
25. Benveniste E. M. *Obshchaia lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p. (In Russian)
26. Chernov I. *Pervaia mirovaia kak mental'naiia voina* [The First World War as a mental War]. Available at: www.informprostranstvo.ru/N139_2010/istoriosofiya.html (accessed: 21.10.2017). (In Russian)
27. Kautsky K. *Nationalstaat, Imperialistische Staat und Staatenbund*. Nurnberg, 1915. Available at: <https://gutenberg.spiegel.de/autor/karl-kautsky-782> (accessed: 12.11.2017).

Author's information:

Chernov Igor V. — PhD (History), Associate professor; i.chernov@spbu.ru